

УДК 930.85 (575)

СТРАНИЦЫ МИРА СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПОЛЬСКИХ ОПИСАНИЯХ

Л.Р. Скреминская

Рассматриваются особенности восприятия поляками, отбывавшими политическую ссылку в киргизских степях и южной Сибири, жизненного мира коренных народов Средней Азии.

Ключевые слова: киргизские степи; коренные народы; Средняя Азия; эпистолярные и публицистические источники; филоматы; политические ссыльные.

PAGES OF THE WORLD CENTRAL ASIAIN THE POLISH DESCRIPTION

L.R. Skreminska

It is considered the peculiarities of perception of Poles serving a political exile in the Kirghiz steppes and Southern Siberia, the life-world of indigenous peoples of Central Asia.

Key words: kirghiz steppes; indigenous people; Central Asia; epistolary and journalistic sources; Philomath; political exiles.

Антоний Кучиньский – профессор Вроцлавского университета, генеральный секретарь польского этнологического общества. Его научные интересы связаны с историей поляков в Сибири. В 1991 году А. Кучиньским было основано издательство “*Biblioteka Zesłańca*” (“*Библиотека изгнанника*”), целью которого являлось то, “чтобы время не стерло следов нашего сибирского опыта ушедших столетий, а также памяти Второй мировой войны и первых лет после ее завершения, и чтобы память об этом не скончалась”¹. В издательстве был опубликован ряд материалов о поляках, отбывавших политическую ссылку на территории Сибири и в других регионах Российской империи и бывшего СССР [1].

Итогом многолетних исследований А. Кучиньского явилось большое количество работ, среди которых выделим его книгу “*Polskieopisanie Świata*” [2] (“*Польские описания мира*”), представляющую собой антологию текстов этнографического содержания, а также географические описания, авторами которых явились поляки, в силу разных обстоятельств оказавшиеся вдали от Польши. В основном это были поляки – политические ссыльные, жизнь которых долгое время проходила на просторах так называемых в XIX в. киргизских степей.

Данная статья представляет собой свободное переложение доступной нам из интернет-источников той части работы А. Кучиньского, которая касается непосредственно нашего региона и народов, проживающих в Средней Азии. Однако отметим, что помимо фрагментов работы А. Кучиньского, были использованы и другие источники, дающие информацию о поляках, чей вклад в исследование Средней Азии видится важным.

Первые описания азиатского мира, отмечает Антоний Кучиньский, были связаны с путешествиями франсисканцев Яна де Плано Карпини и Бенедикта Поляка “до Татарии”. Они были участниками великой миссии – папского посольства к Великому Хану, продолжавшейся почти два года (1245–1247). Целью этой миссии было обращение к хану о прекращении нападений со стороны монгольских полчищ на христианские земли. Это было время, когда кочевые монгольские племена покинули места своего обитания в Средней Азии и под предводительством Чингизхана вторглись в Европу. Легкость их побед была обусловлена высоким уровнем их военного искусства, столь непохожего на европейское. В 1241 г. татарское войско (так называли в Европе монголов) вторглось одновременно в Венгрию и Польшу, подвергнув сожжению Люблин, Сандомеж, Краков и устремившись дальше, в Силезию. Однако вскоре татары убедились в невозможности навязать Польше

¹ Здесь и далее перевод с польского мой – Л.С.

свою власть. В этом же году произошла битва под Легницей, в которой был убит Генрик Побожный, правитель Силезии и Кракова. Эта смерть и распад его государства замедлили процесс объединения Польши, но привели к усилению объединительной роли Церкви. Папское посольство к Великому Хану было нацелено не только на мирные переговоры, но и на обретение информации о силе монгольских войск и их тактике. Побывав на землях Азии, папские послы собрали первые для европейцев данные о тех азиатских и сибирских территориях, через которые им пришлось пройти. Польский этнолог Марек Гавецкий отмечает, что в коротком рапорте Бенедикта Поляка, написанном как дополнение к отчету другого францисканца, главы папской дипломатической миссии Иоанна де Пано Карпини, можно найти «упоминания о кочевниках страны *Кергиз*» (страны киргизов), где путешественники встретили «великое множество полыни», которая «торчала в безлюдной степи» [3, с. 5]. Своими записками папские послы положили начало интереса к азиатским землям и народам, там проживающим.

Много веков прошло после этого события, пока следующая группа поляков ступила на эти земли и частично их описала. Уже в начале XVI в. на азиатских просторах появились поляки-миссионеры и польские купцы. Однако большую часть составили поляки, которые, начиная от противостояний Москвы и Стефана Батория, были высланы за Урал. «И если речь идет о познании поляками мира Азии, – пишет А. Кучинский, – то именно этим «путешественникам поневоле» и принадлежит значительная роль в описании тех окраин и народов, там проживавших» [2, с. 6].

Описания азиатского мира все чаще обнаруживают себя в польских эпистолярных, публицистических и научных источниках, начиная с XVIII в. Связано это было с пребыванием на просторах азиатской части Российской империи польских политических ссыльных, а также польских промышленников и купцов. Старинные польские описания азиатских просторов, особенно описания «татарщины», были интересными и не имели себе равных аналогов в Западной Европе. Однако далеко не все описания исходили «из первых уст». Так, А. Кучинский приводит фрагменты из «Истории польской литературы», изданной в Кракове в 1840 году и принадлежавшей перу Михаила Вишневого, отмечавшего, что «народы монголоидного типа, которые у нас привычно назывались татарами, всегда шумные, скачут на конях, худых, уродливых, но быстрых и стойких. Они живут в палатках из войлока, и чтобы они не намокли, пропитывают их овечьим молоком; проводят жизнь свою на скрипучих телегах о двух колесах, куда складывают весь свой скраб. Едят кошек, собак, крыс, мышей

и другие мерзости, однако предпочитают конину. Воду пьют из любой лужи, кумыс – кобылье молоко считается у них большим деликатесом. Носят тулупы из овечьих шкур. Знают хлеб, даже научились пить вино. Все мужчины – умелые лучники, также используют копья, мечи, палки. Безразличны к голоду и жажде, теплу и морозу – все это переносят спокойно. Народ воинственный, гордый и смелый. Не было случая, чтобы бежали они с поля боя. Из твердой кожи изготавливают себе защитные доспехи» [2, с. 7]. М. Вишневецкий никогда не был на территории Азии, он опирался на описания, полученные из различных источников, предлагая свою интерпретацию.

Однако большим интересом у польских читателей пользовались источники, исходившие непосредственно из первых уст. В XIX в. в азиатскую часть Российской империи попадали поляки-участники национально-освободительных движений – Ноябрьского восстания 1830 г. и Январского 1863 г., оставившие большое количество эпистолярных и публицистических сочинений. Их содержание свидетельствует о том, что уже в первой половине XIX в. поляки пользовались не только этнонимом «татары», также не был чуждым для них этноним «киргиз». Прежде всего это было связано с тем, что в 1842 г. в Вильне в печати вышла поэма Густава Зелинского «Киргиз».

Густав Зелинский (Gustaw Zieliński) родился 1809 г. в Марковичах. Образование получил в Торуне и Варшаве. Входил в состав тайной политической организации «Мечь народа» и был участником ноябрьского восстания, но в Сибирь был выслан только в 1833 г. за то, что выхаживал у себя раненого партизана. В Сибири первоначальным местом его ссылки был Тобольск, а конце 1835 г. – Ишим. Во время семилетнего пребывания в Ишиме будущий автор романтической поэмы «Киргиз» много раз путешествовал вглубь Степи. Во время путешествий Зелинский интересовался жизнью, обычаями и легендами местных жителей, делал заметки, содержащие бесценные этнографические наблюдения. Польский путешественник, сам, будучи ссыльным, стал выразителем интересов высоко ценящего свою свободу степного народа [4, с. 18]. В Ишиме Зелинский тесно общался с другим ссыльным поляком Адольфом Янушкевичем и пользовался его библиотекой.

Адольф Янушкевич (1803–1857) занимает в ряду польских политических ссыльных важное место. Поэт и путешественник, он оставил потомкам замечательные записки «*Zywot Adolfa Januszkiewicza i jego listyze stepow kirgizkich*» («Жизнь Адольфа Янушкевича и его письма из киргизских степей»). По свидетельству Рышарда Бадовски, среди всех ссыльных поляков Янушкевич выделял-

ся тем, что лучше всех разговаривал с местным населением на их родном языке [4, с. 33]. Янушкевич, будучи студентом Виленского университета, принадлежал к польской молодежной организации филаретов, был участником Ноябрьского восстания и являлся одним из самых активных участников организационного комитета Лиги Литвы, Волыни, Подолии и Украины, где пропагандировал “марш за Буг”. Оказавшись в российском плену, был выслан сначала в Вятку, потом оказался в тюремном заключении в Киеве, в марте 1832 г. был лишен всех дворянских привилегий и выслан в Сибирь, сначала в Тобольск, потом, в 1835 г., оказался на Ишиме. В 1841 г. Адольф Янушкевич перебрался в Омск и приступил к работе в пограничном управлении сибирских киргизов, а год спустя получил должность секретаря Комитета по работе над проектом об утверждении киргизских законов. В течение 18 лет своего пребывания в киргизских степях Янушкевич собирал местный фольклор, изучал нравы, обычаи и быт жителей степи, изложив потом все накопленное в своей книге. За годы своей службы в киргизских степях он изъездил все киргизские степи и доезжал до Семиречья. Был свидетелем присоединения казахов Большого (Старшего) жуза к России и оставил достаточно подробное описание этого события. В своих “Записках” он пишет, что в марте 1846 г. в Омск прибыли послы Великой Киргизской Орды с выражением желания принять российское подданство. Это решение их было вызвано причинами внутреннего характера: большие беспокойства причинял им один из местных султанов Кенесары, этакий местный пустынный герой, который решительно выступал против любого союза с Россией, влияние которой все глубже и решительнее распространялось по киргизским степям. Кенесары добровольно и принудительно старался объединить киргизские роды, с помощью которых совершал набеги на российские военные посты, начисто вырезая их, внушая страх и ужас по всей сибирской границе. Своими опустошительными набегами он докучал не только русским, но и своим, а также и дикокаменным киргизам. Так, Янушкевич пишет, что Кенесары, во время своего похода на дикокаменных киргизов уничтожил 700 юрт, проявив при этом неслыханную жестокость: “...привязывал беременных женщин к керегам и вспарывал им животы” [5, с. 258]. “Наши киргизы, – продолжает Янушкевич, – говорят, что Кенесары поступал как дикий зверь”. Российские военные комитеты в Омске и Оренбурге, задачей которых было заботиться о том, чтобы киргизы на их стоянках могли “спокойно спать”, начали задумываться о том, как избавиться от надоевшего им неприятеля. Но трудно

было “держать совет” с воином, который сначала растрчивал свои силы в пустынных и безводных пространствах, а потом снова собирал их, но уже в другом месте степи. Прибытие послов представляло удобный случай, чтобы после принятия ими российского подданства с их помощью решить проблему с Кенесары. Однако султаны Большой Орды, присягая на верность России, дали понять, что они не хотят поднять руку на своего сородича Кенесары, потомка ханов, который в настоящий момент находится в таком положении, что хуже некуда [6, с. LXVI]. Здесь же Янушкевичем отмечено, что во время подготовки церемонии к принятию киргизами Большой Орды российского подданства, а также с целью расправы с Кенесары пограничной управой Средней Орды была организована большая экспедиция на реку Лепсу. Руководил этим походом генерал Вишневецкий. В его окружении для выполнения особых поручений кроме переводчиков и чиновников были два должностных лица, одним из которых был сам Янушкевич, другое лицо – Виктор Ивашкевич, тоже из ссыльных поляков, изъездивший киргизские степи вдоль и поперек. У киргизов он пользовался особым почетом и уважением, слыл отменным знатоком киргизских обычаев и киргизского этикета, с которыми зачастую ознакомил и Янушкевича.

Виктор Ивашкевич был членом организации “Черные братья”. В 1824 г. был рядовым Оренбургского батальона, а в 1834 г. после получения офицерского звания был уволен со службы по болезни и назначен чиновником по особым поручениям Омского пограничного управления. В этой должности в 1846–1847 гг. участвовал в двух экспедициях в Северо-Западный Казахстан с целью проведения переписи населения, в которой участвовал и Янушкевич.

В самой Польше сибирская мемуаристика была под строгим контролем царской цензуры, но, несмотря на это, география издания сибирских воспоминаний была довольно обширна, благодаря чему сибирские записки, дневники, письма нашли своего читателя. Кроме того что они способствовали подъему у поляков чувства патриотизма, представляя собой явление, способствующее консолидации польского сообщества, они еще и открывали польскому читателю мир, “куда еще не ступала нога ни одного поляка”, – мир азиатской “глубинки”.

Деятельность России, направленная на утверждение своего господства на зауральских территориях, способствовала развитию административных и военных проектов, целью которых было всестороннее исследование этих областей. Немалую роль сыграли в этом и поляки, поступившие на службу в Российскую армию.

В 1824 г. в Оренбург прибыл Томаш Зан, где стал работать в канцелярии генерал-губернатора. Тамаш Зан родился в 1796 г. Будучи студентом Виленского университета, он оказался среди организаторов общества филосоматов и даже был президентом товарищества филаретов. В 1823 г. за свои политические убеждения был арестован и сослан вглубь России, в Крепость Кизил, а потом и в Оренбург. Работая в канцелярии генерал-губернатора Василия Перовского, все свое свободное время посвящал изучению растительного мира этой местности и ее геологии: его интересовали образцы флоры и фауны, разнообразных геологических материалов горных пород, руд, ископаемых, а также проблема наличия в киргизских степях золотоносных песков. Как геолог по образованию, он совершал многочисленные исследовательские поездки по Уралу и углублялся в киргизские степи. Коллекции Т. Зана привлекли внимание властей и ему поручили создание природоведческого музея в Оренбурге. В апреле 1831 г. по инициативе Оренбургского военного губернатора Павла Петровича Сухтелена при Неплюевском военном училище был основан музей, состоявший из 5 отделов (минералогического, ботанического, зоологического, статистики и истории). Смотрителем этого музея был назначен Томаш Зан. В организации музея ему помогал ссыльный поляк Михаил Зеленок, участник ноябрьского восстания 1830 г., бывший префектом доминиканских школ в Литве и Белоруссии. Интересовали Зана и особенности быта местного населения. Все свои впечатления о крае, где ему довелось отбывать свою ссылку, после своего возвращения он опубликовал в 1863 г. в Кракове под заглавием *“Żywot i korespondencje Tomasza Zana”* (“Жизнь и корреспонденция Томаша Зана”). Несколько десятков листов было опубликовано и в журнале *“Kronika Rodzinna”* “Семейная хроника” (1883–1888) под названием *“Listy Tomasza Zana do Karola hr. Chodkiewicza”* (Письма Томаша Зана к Каролу Ходкевичу). В этих письмах, описывающих его судьбу ссыльного, есть большое количество материалов этнографического характера, относящихся к описанию жизни башкиров, киргизов и казахов, а также и деятельности поляков, которые занимались исследованием Южного Урала. Как отмечает А. Кучинский, большое количество рукописных материалов Томаша Зана до сих пор не обработанных, хранится в библиотеке Литовской Академии наук в Вильнюсе [2, с. 12].

В 1829 г. Зан познакомился с известным немецким натуралистом и географом Александром Гумбольдтом. Будучи за Уралом в киргизских степях, Гумбольдт часто встречался с польскими исследователями и ссыльными. Встреча с Гумболь-

том оставила неизгладимый след в памяти изгнанников. Заступничество А. Гумбольдта способствовало тому, что Зану был сокращен срок ссылки, после чего он был переведен в Петербург, где работал в горном институте.

Часто Зану в его изысканиях помогал Адам Сузин, тоже тесно связанный с организацией филаретов, после разгрома которой был сослан в крепость Кизил, недалеко от Оренбурга, а в 1830 г. уже прибывший в сам Оренбург. Адам Сузин имел степень кандидата философских наук, служил бухгалтером Оренбургской пограничной комиссии, благодаря чему смог организовать торговые отношения с народами, населявшими южные пространства Азии. Сузину было поручено осуществлять руководство над племенами кочевников. Своим справедливым и доброжелательным отношением к местным жителям Сузин добился их признания и глубокого уважения. Во время своих частых поездок в степи Сузин наблюдал за местными обычаями, традициями и общественными отношениями, зафиксировав свои представления о них в труде “Экспедиция в киргизские степи, совершенная в 1834 году Адамом Сузиным”.

Пределы статьи не позволяют включить в обзор всех польских исследователей, оставивших свой заметный след в описаниях просторов Азии и народов, там проживающих, которых А. Кучинский включил в свою работу. Отметим только, что попав за Урал и киргизские степи как политические ссыльные, поляки, будучи высокообразованными людьми и воспитанными в духе идей Просвещения, в Сибири, живя среди местного населения, начали изучать этот новый для них мир не без влияния одного из основных идеологов Просвещения Ж.-Ж. Руссо. Руссо, призывающий вернуться “назад, к природе”, опозитизировал мир дикой природы, свободной от цивилизации и ее противоречий. Его убежденность, что свободные от цивилизации люди чисты в своих действиях и помыслах, несколько облегчили процесс привыкания цивилизованных ссыльных поляков к новым для них диким условиям киргизских степей, вхождения в этот мир. Здесь, “в совершенно неизвестной стране, в глубь киргизских степей, среди кочующей орды, куда еще не ступала нога ни одного поляка” [5, с. XXXIV], философия Руссо помогла найти полякам новое поле для деятельности – погружение в этот мир и изучение его жизни, быта, его самобытности. В эпистолярном романе “Юлия, или Новая Элоиза” Руссо вложил в уста своего героя Сен-Пре, являющегося, по сути, рупором его идей, следующие слова: “Я нахожу <...>, что желание изучать

общество в роли простого зрителя безрассудно. Тот, кто вздумает только наблюдать, наблюдений не сделает. Ибо для дел он непригоден <...>. Действия других видишь только тогда, когда действуйешь сам...” [6, с. 225].

Итогом пребывания поляков в Азии явились не только их записки, дневники, содержание которых дает информацию этнографического, исторического, экономического и другого порядка, позволяющего войти в мир народов Азии. Они занимались практической деятельностью, во многом изменившей этот мир.

Литература

1. Relacje z zesłania. URL: http://zeslaniec.pl/35/Relacje_z_zeslania.pdf
2. Polskie opisanie świata. Studia z dziejów poznania kultury dowychi plemiennych. Tom 1, Wrocław, 1994. Tom 2, Wrocław, 1997). Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
3. Гавецкий М. Предисловие // W stepie dalekim. Polacy w Kazachstanie // В степи далекой. Поляки в Казахстане / М. Гавецкий, Я. Яскульский. Познань – Алматы, 1997.
4. Бадовски Р. Польские певцы Казахстана. Типография Пельплинской Епархии Bernardinum / Р. Бадовски. Польша, 2004.
5. Żywot Adolfa Januszkiewicza i jego listyze stepow kirgizkich. Księgarnia В. Behr’a. Berlin – Poznań, 1861. Оцифрованная версия книги. Получена от проф. Марека Гавецкого. Познань, 2013.
6. Ж.-Ж.Руссо. Юлия, или Новая Элоиза / Ж.-Ж. Руссо. М.: Худ. лит, 1968.